

НОРТОН МАЙЛЗ

ЯНТЧ

ТОМ 1

Остросюжетная беллетристика

Майлз Нортон

Янтч

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нортон М.

Янтч / М. Нортон — 2026 — (Остросюжетная беллетристика)

ISBN 978-5-04-246345-7

Память меняется первой. Ты замечаешь это не сразу. Сначала — в деталях. Потом — в себе. Иногда кажется, что ошиблась история. Иногда — ты. Комната та же. Тишина та же. Совпадений меньше. Страницы ничего не требуют. Они остаются. Ты закрываешь книгу. Что-то остаётся открытым. Ты — не читатель. Ты — продолжение. Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246345-7

© Нортон М., 2026

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Мальчик	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Майлз Нортон Янтч

© Нортон Майлз, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Предисловие

Мой взгляд случайно наткнулся на человека в бейсболке с полустертым логотипом какой-то забытой команды. Волосы, выглядывающие из-под нее, будто специально взъерошились для вида. Худи, выстиранное до сероватого оттенка, но с идеально сохранившимися швами – те самые, что шьют для бутиков в Сохо. Часы, которые в другом контексте могли бы сойти за подделку, если бы не едва заметное тиканье механизма, звучащее как отсчет чьего-то последнего часа. Одежда будто кричала: «Оставьте меня в покое!» Но каждая деталь выдавала человека, который привык покупать себе любую роль. Даже того, кому нечего терять. Я бы прошел мимо. Но его татуировка...

Когда он поправил часы, из-под браслета выглянул женский глаз. Не ее. Но достаточно похожий, чтобы мои пальцы сами нашли нож в кармане. Он поднял взгляд – и я увидел в этих глазах то же самое, что и тогда: холодный расчет, прикрытый показной небрежностью. Именно так он смотрел, когда разрушил мою жизнь. Без малейшего усилия. Без тени сожаления. Как человек, который даже не заметил, как под подошвой хрустнул панцирь – ведь впереди его ждало нечто куда важнее.

Часть I. Мальчик

Глава 1

Влажный холод пронзил всё тело. Джон открыл глаза – и мир обрушился на него ледяным душем.

Он ощутил, как капля воды с потолка упала ему на лицо. Вытер лицо рукавом и уставился на потолок. Он был сухим. «Показалось», – подумал Джон.

В комнате пахло затхлостью и виски. Islay Single Malt 12 лет – такой же, что они распивали после первого «контракта» с бывшим партнером. Пустая бутылка валялась у кровати как немой свидетель.

Словно сквозь густой туман, Джон потянулся к тумбочке. Шрам на плече дернулся – старый ожог, подарок от «коллег». В ящике лежали Glock 17 с затертым номером и паспорт на имя Марка Ривза. Джон не помнил, откуда они взялись там. Он щурился на фото в паспорте. Свет падал иначе, и черты лица казались чужими, искаженными. Имя словно плыло перед глазами. Он почти был готов убедить себя, что вчера там было написано иначе. «Последствия вчерашней пьянки», – думал он, протирая глаза. «Может, устал».

Едва слышно, словно проверяя, отзовется ли душа, Джон произнес: «Джон Хиггс». Попробовал он вслух. Ни о чём не говорило.

Мучительно знакомое имя. Простое, привычное, как дыхание... Но сегодня его снова не было. Не то чтобы он страдал амнезией – нет, это было куда хуже. Он не хотел помнить. Забыть, кто ты. Забыть, что натворил. Это не провалы памяти – это бегство.

Вдруг в ушах прорезался голос: «Ты думал, они просто так забыли?» Он резко обернулся – никого. Только смятая записка в урне. И ощущение... Будто кто-то только что одернул руку с его плеча. Древний инстинкт крикнул об опасности, и тело отозвалось ледяной рябью, бегущей вниз по позвоночнику. Последние недели утро начиналось одинаково: потолок, холодный взгляд лампы, обрывки прошлого, словно осколки разбитого зеркала, которые приходилось собирать. Джон Хиггс. Бывший айтишник. Ныне – консультант по безопасности. По крайней мере, так гласила визитка.

Именно в этот момент телефон вздрогнул на тумбе, будто живой. Уведомление. Карл. Бывший партнер. Если «партнер» – подходящее слово для того, кто платил кровью.

Неотвратимо, как приговор, прозвучало уведомление: через два часа встреча.

Отчаянным усилием воли Джон медленно поднялся, костяшки пальцев побелели от хватки.

Всё было решено: он знал – сегодня снова придется стать тем, кем он больше не хотел быть.

А за безупречным фасадом скрывалась правда: Карл значился владельцем уважаемой консалтинговой фирмы – красивая вывеска для некрасивого бизнеса.

Там, в прошлом, он работал мелкими партиями – пистолеты для частных охранных фирм, партии боеприпасов для сомнительных заказчиков. Разовые сделки, наличные без лишних вопросов. Тогда это казалось просто темной стороной бизнеса.

Но пять лет – достаточный срок, чтобы мелкий торговец превратился в поставщика для военных конфликтов. Слухи, словно паутина, опутывали его новую деятельность: теперь его клиентами были не отдельные наемники, а целые вооруженные формирования.

Особенно на Востоке. Там, где это оружие...

Джон резко оборвал ход мыслей. Время поджимало – он начал собираться, движения резкие, почти механические. Каждая минута приближала его к встрече, которую он одновременно ждал и боялся.

Он захлопнул за собой дверь квартиры и сразу ощутил резкий контраст – душный полумрак прихожей сменился слепящим дневным светом.

Город встретил его гудками машин и запахом асфальта, прогретого утренним солнцем. Он машинально поправил воротник пиджака, чувствуя, как сквозь тонкую ткань рубашки пробивается холодный ветерок. От квартиры до тротуара – тридцать шагов. Тридцать шагов, за которые нужно было стряхнуть с себя остатки утренней апатии и собраться.

И вот он уже на улице, среди спешащих прохожих, когда его взгляд натывается на черный матовый Gelandewagen, выделяющийся из потока как нож на фоне столовых приборов.

Номера с надписью «FOF» не оставляли сомнений. Это был Карл. Только он мог позволить себе такие выходки – превращать госномера в послание. «Fuck Off» на регзнаках – его визитная карточка, способ обозначить собственное присутствие.

Дверь открылась беззвучно. В салоне пахло кожей и чем-то металлическим – запах денег и власти. Фрэнк за рулем даже не повернул головы. Его отражение в зеркале было пустым – мертвый взгляд, будто смотрящий сквозь мир.

Машина тронулась плавно, без рывка. Как катафалк, увозящий тебя на последнюю встречу.

Джон шумно выдохнул, откинувшись на кожаном сиденье. Gelandewagen мягко покачивался на неровностях дороги, но напряжение в салоне висело плотнее смога.

– Пять лет, Фрэнк. Неужели нечего сказать? – голос Джона прозвучал неестественно громко в тишине салона.

Ответом был лишь резкий рывок скорости. Фрэнк не шелохнулся. Его пальцы лишь чуть сильнее впились в руль. Суставы побелели. В зеркале заднего вида мелькнул его взгляд – быстрый, оценивающий, как у хирурга перед сложной операцией.

– Ладно, – Джон нервно провел рукой по подбородку. – Болтать не хочешь – твое дело. Только доезжай без приключений, ладно?

Фрэнк резко перестроился, даже не включив поворотник. Грузовик рядом проревел клаксоном, но водитель будто не заметил. Его лицо в зеркале оставалось каменным.

– Эй, что за херня? – Джон вцепился в подлокотник. – Ты вообще в порядке?

Плечи Фрэнка едва заметно дрогнули – самое близкое к ответу, на что он был готов.

– Карл хоть объяснил, зачем ему вдруг понадобился старый приятель? – Джон попытался поймать его взгляд в зеркале.

Долгая пауза. Только стрелка спидометра ползла вверх.

– Не мое дело, – голос Фрэнка прозвучал глухо, будто из другого конца туннеля.

– Но ты же везешь меня к нему, черт возьми! – Джон стукнул кулаком по подлокотнику. – Хотя бы намекни, в какую жопу я лезу!

Руки Фрэнка сжали руль так, что кожа на костяках натянулась. Он резко перестроился, подрезав белую Toyota.

– Просто работа, – прошипел он сквозь зубы.

– Да брось! – Джон фальшиво рассмеялся. – У Карла «просто работа» обычно заканчивается пулей в затылок.

Машина вдруг дернулась, резко тормозя на красном. Джона швырнуло вперед, ремень врезался в грудь.

– Извини, – пробормотал Фрэнк, но в его тоне читалось что-то другое – предупреждение, мольба, отчаянная попытка что-то сказать без слов. Его глаза на секунду встретились с Джоном в зеркале – и в них читалось нечто, от чего по спине пробежал холодок.

Черный Gelandewagen притормозил у невзрачного серого здания. Джон задержал руку на ручке двери – ладонь вспотела. «Странно», – мелькнуло в голове. Он не боялся Карла. По крайней мере, раньше.

Фрэнк что-то пробормотал, но Джон не расслышал. Вместо ответа он шагнул на тротуар. В воздухе витал запах металла и бетонной пыли – будто здание годами впитывало крики из-за закрытых дверей.

17-й этаж. Кнопка лифта была стерта – слишком много людей нажимали ее до него.

Карл ждал в своем кабинете.

Джон шагал по холлу, его шаги гулко отдавались в почти пустом пространстве. Серое здание – никаких стеклянных фасадов или показной роскоши. Оно больше напоминало правительственный бункер, чем офисный центр. Стертые полы, тусклые лампы, запах дезинфекции – будто здесь десятилетиями вычищали следы преступлений.

Лифт открылся беззвучно – слишком бесшумно для такого старого здания.

Перед Джоном раскинулся просторный зал, утопавший в приглушенном свете, будто подсвеченный изнутри. На стене – абстракция в духе Поллока, но, если всмотреться, кроваво-красные брызги складывались в танковые гусеницы, а черные мазки – в разрывы снарядов.

Дверь в кабинет была массивной, дубовой, без намека на стеклянный лоск офисных центров. Стальная табличка «К. Н.» – никаких намеков на консалтинг, только инициалы, выгравированные так, будто они могли порезать палец.

Карл восседал в кресле Herman Miller, развалившись с нарочитой небрежностью хищника, уверенного в своей безнаказанности. Его черный ониковый стол блистал пустотой – только MacBook с приглушенным экраном да стакан для карандашей, забитый перьями Montblanc.

Среди них одинокая сломанная шариковая ручка – словно намек на то, что даже здесь есть место дешевому насилию.

Его рубашка Brioni морщилась на животе, а лицо блестело от пота, хотя воздух был холодным, как в операционной.

Карл, поставив стакан перед Джоном:

– Ну что, герой? Пять лет – и ни звонка. То ли мертв, то ли стыдно.

(Джон молча берет стакан. Лед звенит.)

Голос Карла прозвучал слишком громко для этого кабинета. Он поднялся с кресла медленно, как подводная лодка, всплывающая на поверхность. Кожаный Herman Miller астматично вздохнул, освобождаясь от его веса.

– Присаживайся! Не стой как провинившийся стажер.

Джон резко ответил: «Если бы стыд убивал, ты бы сгнил первым».

– Ох, как трогательно! Ты до сих пор думаешь, что твои грехи тяжелее моих? *(Наклоняется ближе.) (Карл усмехается, проводит пальцем по краю стола – там царапина, похожая на след от пули.)*

Его ладонь лениво махнула в сторону мини-бара, встроенного в стену из мореного дуба, темного, как старая кровь. Под холодной LED-подсветкой выстроились бутылки – виски с этикетками шестидесятых, пыльными, как архивы спецслужб. Рядом притаилась бронзовая статуэтка: то ли Будда, то ли переплавленная гильза от снаряда.

– Может быть твои предпочтения уже изменились: виски, джин? Или, может, воду с газом? Итальянскую: у нее пузырьки, как иглы под кожей.

(Карл бросает на стол фотографию, на которой Джон находится в чужом городе, с чужим паспортом.)

– ...тебя тянет обратно.

Джон сжимает стакан.

– Это что, шантаж?

Пока он наливал, Джон заметил детали: часы Patek Philippe на стене, где стрелки показывали разное время, словно отсчитывая параллельные реальности, сейф в углу с цифровой панелью – кнопки стерты от частого набора одного и того же кода, тень за окном (Птица или чья-то рука, замершая в жесте угрозы?).

(Карл встает, подходит к окну.)

– Нет, напоминание.

(Поворачивается.)

Пауза. Где-то за окном крикнула ворона.

– Как дела-то? Пять лет, чёрт... Ты же теперь, наверное, совсем большой человек?

Джон наливал себе виски, чувствуя, как взгляд Карла ползет по его рукам, шее, вискам – ищет слабые места.

– Работаю. – Пробка хлопнула слишком громко. – А ты? Говорят, масштабы выросли.

Карл фыркнул, потирая переносицу.

– Да че там выросли... – его пальцы сжали стакан так, что лед затрещал. – Знаешь, как сейчас всё дорого стало? Раньше контейнер в порту – копейки. Сейчас – будь здоров.

Тишина.

Джон тихо:

– Чего ты хочешь?

Карл усмехнулся, разглядывая дно стакана, как будто там плавали ответы.

– Охреневший стал, Джон. Раньше хоть три минуты светской беседы терпел, – он поставил стакан, оставив влажное кольцо, похожее на след от бокала на допросе.

Его рука потянулась к MacBook, но не открыла его – лишь провела пальцем по логотипу, стирая невидимую пыль.

Карл улыбается:

– Ты ошибся в одном. Я не хочу. Я предлагаю.

(Берет со стола гильзу – играет ею, как монеткой.)

Джон почувствовал, как между лопаток прополз холодок – точный, как прицел снайпера.

Джон резко встает. Карл смеется.

Карл, поднимает гильзу, кладет Джону в карман.

– Ой, прости. Это же не угроза.

– Просто работа.

Он замолчал, давая Джону услышать несказанное: «Возможности» – это когда-либо ты стреляешь, либо в тебя стреляют.

– И?

– И... – Карл вдруг рассмеялся, по-доброму, по-старому. – Да не смотри ты так. Просто подумай. Через пару дней позвоню – выпьем нормально, обсудим.

Его пальцы уже тянулись к телефону – разговор окончен.

– Фрэнк тебя доведет.

Джон вышел, так и не поняв, о чём на самом деле шла речь.

Но в воздухе висело ощущение, что Карл уже поставил галочку напротив его имени – где-то в своем черном ониксовом блокноте.

Машина Фрэнка ждала в тени, прижавшись к бордюру, как подручный киллер перед заказом. Джон тяжело опустился на сиденье. Кожаная обивка холодно хрустнула под ним.

В горле пересохло – не просто жажда, а животное желание залить виски этот ком в горле. Он машинально потянулся к бардачку, но там лишь покачивались пластиковые бутылки с водой. Их этикетки покрыты каплями конденсата, будто слезами.

Фрэнк. Его жетон трезвости тускло блестел на цепочке – десять лет сухого закона. Десять лет с тех пор, как в Мексике...

Джон резко отвернулся к окну, впиваясь пальцами в подлокотник. Мексика. Пыльные улицы, крики на испанском, Фрэнк, тащащий его окровавленного... Нет. Он резко тряхнул головой, словно мог выкинуть воспоминания как назойливых мух. Эти мысли были острее любого ножа – каждое прикосновение к ним оставляло кровавые зазубрины на душе.

Фрэнк молча переключил передачу. Они оба знали – некоторые раны никогда не заживут. Им оставалось только молча курить у их края, боясь сделать лишний шаг.

Дорога домой растворилась в серой дымке. Джон так и не разглядел знакомых перекрестков. Лишь размытые пятна света за окном, мелькающие как кадры старой киноленты, которую кто-то беспощадно склеил, вырезав самое главное.

Машина резко остановилась. Джон задержал руку на дверной ручке, почувствовав, как ладонь стала влажной.

– Спасибо, Фрэнк, – голос его звучал хрипло, будто пропущенный через сигаретный пепел. – Ты сегодня прямо как... оратор. Особенно проникся твоим монологом про... – он намеренно затянул паузу, – молчание.

Дверь распахнулась с глухим стуком.

– Пока! – Джон бросил через плечо, уже выходя на тротуар.

В ответ он услышал лишь тихий скрип кожаного сиденья, когда Фрэнк чуть наклонился, чтобы захлопнуть за ним дверь. Его лицо в этот момент освещала неоновая вывеска. На секунду показалось, будто он что-то хотел сказать. Но только на секунду.

Черный Gelandewagen замер на мгновение, затем плавно тронулся, растворяясь в ночи, как невысказанная мысль. Джон стоял и смотрел вслед, пока красные огни стоп-сигналов не превратились в две крохотные точки, а затем и вовсе исчезли.

Джон взлетел по лестнице, не ощущая ступеней под ногами. Его пальцы сами нашли ключ в кармане, сами вонзили его в замок. Механизм щелкнул сухо, как курок перед выстрелом. Очнулся он только в тот момент, когда дверь захлопнулась за спиной с глухим ударом, будто в склепе.

Замолчал. Замер посреди гостиной, словно на месте преступления. Воздух – спертый, застоявшийся, будто квартира хранила его отпечаток все эти годы. На столе пылился стакан с остатками виски. Вчерашнего? Позавчерашнего? Он уже не помнил. За окном заскреблась ветка, царапая стекло когтями.

Телефон в кармане снова завибрировал. Он не стал смотреть.

Пятнадцать лет решений. Пятнадцать лет компромиссов. Пятнадцать лет крови, пота и лжи – и все они привели его сюда. В эту пустую квартиру с панорамными окнами, где даже эхо шагов казалось чужим, словно пространство отказывалось признавать его присутствие.

Виски обжег горло.

За окном, в кровавом свете заката, над Таймс-сквер кружил ястреб. Одинокий. Хищный. Беспричинный. Он наблюдал, как птица ловит восходящий поток и замирает в воздухе – без усилий, без борьбы. Просто позволяя ветру нести себя. Вот оно. Просто расслабиться...

Но когда он опустил взгляд ниже, на огни рекламных билбордов и слепящие неоновые вывески, они вдруг показались ему дешевыми и плоскими. Как картонные декорации в театре абсурда, где он играл свою роль слишком долго. Эмпайр-стейт-билдинг. Таймс-сквер. Виды, за которые он когда-то продал душу. Теперь они казались... пустыми.

Он подошел к окну, прижал ладонь к холодному стеклу. Где-то там, внизу, кипела жизнь – люди спешили, смеялись, ругались, жили. А здесь, наверху? Дорогая обертка с пустотой внутри.

Квартира мечты. Машины мечты. Жизнь мечты. Всё было куплено, завоевано, достигнуто – и всё оказалось фальшивым.

Он сделал еще глоток. Виски больше не горел.

Вот так он и скитался – из города в город, из страны в страну, будто тень, не оставляющая следов. Путешествия. Единственное, что еще хоть как-то заглушало эту вечную пустоту, разьедавшую изнутри. Новые улицы, чужие огни, мимолетные лица, в которых он пытался найти хоть каплю тепла. Имена менялись как перчатки – сегодня он один, завтра другой, играя роли, которых у него никогда не было.

Но с каждым разом прежнего огня не хватало. Адреналин притуплялся, риск казался обыденным, а опасность – лишь бледной тенью того, что когда-то заставляло сердце биться чаще. Нужно было всё больше. Всё острее. Всё безнадежнее. Иначе – тишина. И бездонная, ледяная пустота, которая ждала его за каждым поворотом.

Его мысли разорвал звонок. Резкий, навязчивый, будто сигнал тревоги. На экране – незнакомый номер. Он знал, что не должен отвечать. Но ответил. «Время не лечит. Оно препарирует». Металлический голос в трубке замер, будто давая лезвию этой фразы вонзиться глубже. «Слой за слоем. Пока не останется только правда».

Стакан выскользнул из пальцев, разбившись о бетон с хрустальным звоном. Так же, как и всё остальное. Тело сковал паралич. Страх подползал медленно, неумолимо, сжимая горло ледяными пальцами. Тошнота вздыбилась волной, выталкивая воздух из легких. Он рванул в ванную, швырнул воду в лицо ладонями, смывая пот, дрожь, этот чертов ужас – но холодные струи лишь загоняли его глубже, под кожу, в кости. Зеркало запотело. Капли стекали по стеклу, но лицо в отражении оставалось сухим.

Джон всмотрелся в свое отражение. Глаза были чужими, стеклянными, как у пойманной рыбы. Возможно, от усталости. Или от того, что он третий день почти не ел. Он провел рукой по лицу, и губы в зеркале повторили движение с едва заметной задержкой. Сердце екнуло.

– Ты слышишь меня? – его собственный голос прозвучал хрипло и негромко.

Но губы в зеркале не шевельнулись. Они были сжаты в тонкую белую ниточку.

Показалось. Наверняка показалось. Адреналин искажает восприятие.

Он ударил ребром ладони по холодному стеклу. Резкая боль пронзила запястье, но он почти не почувствовал ее. Трещина, острая как бритва, рассекла его отражение пополам. Теперь два его лица смотрели на него, и оба казались незнакомыми, искаженными гримасой, которую он не делал.

В ушах отчетливо зазвучал голос отца, будто тот стоял за спиной: «Тряпка. Из тебя никогда ничего не выйдет».

– Заткнись! – Джон прошипел уже на самого себя, на свое отражение и снова ударил.

На этот раз стекло треснуло с гулым хрустом. Из глубины трещин выступила алая кайма. Галлюцинация. Напряжение. «Снова эти голоса», – лихорадочно подсказывал остаток здравого смысла.

И тогда отражение дрогнуло. Не изменилось – дрогнуло, как изображение на плохом телевизоре. На мгновение ему показалось, что у него пустые глазницы, как у того мальчика... того, что в кафе... Он моргнул – и всё стало как прежде. Только трещины.

Внутри черепа, ясно и четко, прозвучал вопрос, заданный его же собственным, но до жути спокойным голосом: «И чего ты добился?»

Он отшатнулся от раковины, задев стакан для щеток. Стеклянный колокол звонко разбился о кафель, и в тишине ванной это прозвучало как выстрел.

Осколки разлетелись по полу. Десятки осколков. И в каждом – крошечный, искаженный до неузнаваемости кусочек его лица. Они смотрели на него с немимым укором.

«Разбился», – пронеслось в голове его же мыслью, но с какой-то чужой, злорадной интонацией. «Как и ты».

Губы в одном из крупных осколков растянулись в широкой, неестественной ухмылке. Кожа натянулась, как резиновая маска. Игра света. Только игра света и тени.

Но голос внутри настаивал, липкий и навязчивый: «Ты годами игнорировал меня. Запивал. Забывал работой. Думал, я сдохну?»

– Ты слабый! – выкрикнул Джон, и это был уже не шепот, а сдавленный вопль. – Он был прав! Ты был не нужен отцу!

Ухмылка в осколке не исчезла. Она стала только шире, безумнее. И мысль в голове, его же собственная, подхватила: «А ты? Ты нужен кому-то? Или ты просто полезный идиот, которого терпят, пока он решает проблемы?»

Воздух вырвался из легких вместе со стоном. Словно кто-то нанес ему точный, свинцовый удар в солнечное сплетение. Он схватился за раковину, чтобы не упасть.

«Отец назвал бы тебя тряпкой. И был бы прав. Ты обслуживаешь всех, кроме себя. Вернее, кроме меня».

Зеркало запотело от его прерывистого дыхания. Капли конденсата медленно сползали вниз по стеклу, словно слезы.

«Мама хоть говорила, что ты ей нужен? Или она только требовала, чтобы ты был удобным?»

Он взглянул вниз. Пятно расплылось на светлой ткани его штанов. От страха. От бессилия. Всё тело била мелкая, неконтролируемая дрожь.

«И это твой успех? Это твоя сила?»

Внезапно наступила тишина. Давящая, абсолютная. Он слышал только бешеный стук собственного сердца. И сквозь этот грохот пробился последний шепот, от которого кровь действительно застыла в жилах – тихий, ледяной, без единой эмоции: «Интересно... И кто же теперь тебе угрожает?»

Кулаки Джона сжались так, что ногти впились в кожу ладоней, следы выступили каплями алой крови на белых костяшках.

Зеркало лгало. Оно должно было показывать его, Джона, но в отражении был кто-то другой. Искаженные черты, знакомые и чужие одновременно, складывались в маску ледящего презрения. «Может, свет так падает? Или глаза уже совсем отказывают?» – промелькнула обреченная мысль.

– Какого... черта? – он прошептал, и его голос прозвучал сипло и неуверенно.

В ответ внутри черепа запульсировало. Голос – нет, не один, а какой-то сдвинутый, накладывающийся сам на себя. Он то срывался на его собственный крик, то вдруг грубел, становясь жестким, точно удар ремня по голой спине. Папин голос.

«Пустое место. Никому не нужное пустое место», – настойчиво звучало у него в голове, и ему показалось, что губы в зеркале дрогнули, шепча те же слова в унисон.

В висках застучало больно и гулко. Воспоминания накатили волной – обрывки, вспышки. Его же собственный голос, годы назад, клянущийся себе... Клянущийся в чём? Он не мог вспомнить, и от этого становилось только страшнее.

Внутренний голос, уже совсем чужой, злой, прошипел: «Ты забыл? Ты забыл, что обещал МНЕ?!»

– Прекрати! – это был уже не шепот, а хриплый, животный вопль, полный отчаяния и ярости.

Он не помнил, как схватил тяжелый стакан с раковины. Рука сама взметнулась и швырнула его в ненавистное отражение.

Громкий, хрустальный звон разорвал тишину. Такой оглушительный, что на мгновение в голове воцарилась пустота.

Трещина, еще одна, паутина сколов поползла по стеклу, безжалостно дробя его на десятки кривых осколков.

Тишина. Давящая, оглушительная.

Осколки валялись на полу, каждый по-своему уродливо искажал кусок его лица – теперь разбитого, как и он сам.

Джон вышел из ванной шатаясь.

Глоток виски обжег горло, но мысли прояснил.

В голове автоматически всплыл список – кто вообще знал его старый номер? Кто мог угрожать?

Двое – мертвы.

Третий – Карл.

Он опрокинул стакан до дна, ощущая, как алкоголь разливается тяжелым теплом по жилам. Последнее, что он запомнил перед темнотой – это танец осколков в луже виски, отражавших оскал люстры.

За окном солнечные лучи пробивались сквозь листву, играя на весенних кронах. Красиво. Даже слишком для такого утра. На столе, на том же месте, стоял стакан. В нём отливало солнце точно так же, как пару часов назад виски. В голове Джона возник вопрос, когда он успел взять новый и наполнить его, но мысль не зацепилась, соскользнув с мокрого стекла, как с ледяной горки. Он отпил. Виски был безвкусный. Совершенно. Будто его и не было. «Нужно поспать. День будет тяжелый».

Из шкафа достал 9 mm Glock. Холодный, уверенный вес в руке. Сунул под подушку. Сон пришел сразу, но не принес покоя – только обрывки теней, голосов, чужих ухмылок...

Утро. Он сделал вид, что забыл о звонке. Притворился, что это просто кошмар, бред. Но пальцы сами нашли рукоятку под подушкой. Металл был ледяным. Как правда. Пар еще клубился за спиной, когда резкие, настойчивые звонки в дверь разорвали тишину.

Он швырнул полотенце, накинул халат – ткань прилипла к мокрой коже, впитывая капли, словно пытаясь стереть следы его уязвимости.

Звонок в дверь был неожиданным, коротким и настойчивым, как стук костяшки по стеклу. Он щелкнул замком – механизм отозвался глухим, утробным щелчком, слишком громким в тишине квартиры. Повернул ручку, почувствовав под ладонью холод металла. И потянул дверь на себя.

Первым хлынул воздух. Не просто сквозняк – это был полновесный, плотный поток подъездного холода. Он пах бетонной пылью, окислением металла лифта и едва уловимой, старческой затхлостью мокрых тряпок в углу. Этот воздух обволок его лицо влажной пеленой, резко контрастируя с сухим теплом квартиры, и заставил рефлекторно дрогнуть веками.

Взгляд упал вниз, на пол перед порогом.

Не в пустоту коридора. А на коробку.

Она стояла ровно по центру, как будто ее выверяли по линейке. Коричневый, грубый картон, мятый по углам. Ни маркировки, ни адреса. Только бечевка, туго перетянутая крест-накрест и впившаяся в картон. Но крышка была приоткрыта. Незначительно, на сантиметр, не больше. Из черной щели веяло другим холодом – более глубинным, безвоздушным, и в щели, как ему показалось, мелькнул блеклый отблеск чего-то неестественно гладкого.

Его рука – та самая, что только что держала теплую ткань полотенца – сама собой протянулась, чтобы убрать это со своего порога. Движение было привычным, почти бытовым. Пальцы уже готовились обхватить грубую бечевку, кожа на тыльной стороне ладони напряглась от холода, исходящего от коробки. И в этот самый миг, когда тень от его руки легла на картон, он увидел. Не коробку. А свое запястье.

И время споткнулось. Не на запястье, а сквозь него, из самой кожи, проступил ее образ. Не картинка, а призрак ощущений: тепло ее плеча под ладонью, запах дождя в ее волосах. А потом – глаза. Они были не просто грустными – это были озёра тихой, принятой боли, такие

бездонные, что в них можно было утонуть. Они смотрели не на него, а сквозь него, из того самого дня, который он закопал глубже всего. И звук – не ушами, а в самой кости, в виске: шепот. Едва уловимый, обрывистый, словно доносившийся сквозь толщу лет: «Не надо...» Это был не голос памяти. Это был голос-рана.

Глава 2

Дверь скрипнула, словно последний вздох, и мир сузился до щели в потайном ящике. Его пальцы, внезапно онемевшие, едва ощущали шероховатость картона.

И тогда хлынул холод. Не воздуха, а чистого, беспримесного ужаса, ледяная волна которого вымыла из его черепа всё: мысли, память, последние крупинцы рассудка. Дыхание застряло в горле колючим комом.

В глухой темноте ящика, на бархатной подкладке, черневшей, как забытая могила, лежала она.

Его собственное лицо. Слепок, идеальный и оттого чудовищный. Смертельно бледный воск, передававший каждую пору, каждую знакомую черту. Но глаза... Глаза были не его. Стекланные, пустые, застывшие в немом, бесконечном крике, в котором тонула вся вселенная. В них отражалось его же, живого, лицо, искаженное маской недоумения.

Взгляд скользнул ниже, к шее. Место, где жизнь встречается со смертью, было перепилено. Неровно, с остервенением, с торчащими клочьями искусственной кожи и жил – будто палач упражнялся, добиваясь идеального угла отсечения.

Тишина в комнате стала звенящей, физической плотности. Это был не звук, а его отсутствие, вдавленное в барабанные перепонки.

И в этой тишине прозвучала беззвучная мысль, острая и ясная, как лезвие бритвы, вонзившаяся прямо в мозг.

Игра окончена.

Это не было предупреждением. Не попыткой запугать.

Это был намек. Четкий, неоспоримый, финальный.

Кто-то знал всё. Кто-то наблюдал. Прямо сейчас.

Кто-то уже начал.

Мысль о панике мелькнула и тут же рассыпалась, как прах. Она была бесполезной, запоздалой. Потому что конец уже наступил. Он был здесь, в этой комнате, впивался в стены, замещал собой воздух.

И он ощущал это каждой клеткой своего тела. Легкая ткань халата, еще секунду назад мягкая и прохладная, вдруг прилипла к коже мертвенно-липкой пеленой. Она впивалась в поры, будто сшитая из паутины и соли, будто он надел ее не на пижаму, а прямо на обнаженную, сочащуюся кровью плоть. По спине катилась ледяная капля пота, отмечая свой путь мурашками.

Он заставил себя сделать вдох. Глубокий, с хрипом, разрывающим горло. Взять себя в руки. Трезво мыслить. Слова отдавались в черепе глухим эхом, бессмысленным заклинанием, утратившим силу. Разум, этот отлаженный механизм, был вырван с корнем и отброшен в сторону. Оставалось только животное, дрожащее существо, застигнутое в свете фар надвигающейся машины судьбы.

Пальцы Джона сжали шершавый картон коробки. Они дрожали мелкой, неконтролируемой дрожью, и он чувствовал каждый сгиб, каждый клочок. Теперь эта вещь в его руках была невыносимо тяжелой. Не физически, а метафизически – будто вес холодного воска и оцепеневшего ужаса, вес отрезанной головы.

Глухой, бешеный стук в его груди отдавался в ушах оглушительным боем барабана. Это был не ритм – хаос. Каждый удар угрожал расколоть ребра изнутри, вырваться наружу кровавым маятником, отсчитывающим последние секунды его старой жизни.

В черепе, отдаваясь металлическим эхом, зазвучали два простых, ясных приказа: «Избавиться. Уничтожить».

Но куда? Куда можно выбросить часть самого себя?

Медленно, скрипя позвонками, он повернул голову, и взгляд скользнул по знакомой гостиной. И тут его окончательно настигло осознание. Это был уже не его дом. Тени в углах сгустились и затаились, притворяясь просто тенями. Тишина между скрипами старого пола была слишком настоженной, слишком внимательной. Каждый предмет – кресло, лампа, портьера – молчал, но его безмолвие было красноречивее любого крика. Оно было наполнено одним-единственным шепотом, который исходил отовсюду сразу, проникая прямо в мозг: «Они видели. Они знают».

Мысль пронеслась обрывками, холодная и трезвая. Выбросить – слишком рискованно. Они наверняка обыщут мусор, найдут. Сжечь – верный способ привлечь внимание. Дым, запах паленого воска и плоти, который вонзится в ночной воздух, как сигнальная ракета.

Примитивное, почти детское решение пришло само, рожденное паникой. Ванная. Кипяток.

Он поставил эту... эту вещь... на белый эмалированный поддон. Безжизненные стеклянные глаза уставились в потолок. Звук вскипающего чайника на кухне был пронзительным, истеричным свистом, который разрезал тишину дома и эхом отозвался в кафельной пустоте ванной, усиливаясь многократно.

Он опрокинул чайник. Густой пар окутал всё на мгновение, а затем на восковую маску ударила плотная, яростная струя кипятка. Материал сдался почти мгновенно – не тая, а именно плавясь, размягчаясь и сползая с черепа мерзкими, густыми наплывами.

И он не мог оторвать взгляд. Он смотрел, как его собственное лицо – нос, скулы, губы – теряет форму, оплывает, превращается в бесформенную, уродливую массу. Черты расплывались, как на старой картине под дождем, обнажая пустоту внутри. Это было не уничтожение. Это был акт какого-то первобытного, жуткого осквернения.

Он лил кипяток медленно, почти ритуально, смешивая прозрачную, клубящуюся паром воду из чайника с холодной струей из крана. Две стихии, горячая и ледяная, сливались в одну, чтобы совершить акт уничтожения.

Под этим душем абсурда восковое подобие начало терять последние черты. Оно не просто таяло – оно сползало, разлагалось на глазах, превращаясь в разноцветную, маслянистую жижу. Радужная пленка закружилась в воронке, и то, что было его лицом, с тошнотворным хлопаньем стало исчезать в черном отверстии слива.

Глубокий, сдавленный выдох вырвался из его груди. Но это была не победа. Это была передышка перед новым витком кошмара. Взгляд упал на пол. Проклятая коробка. Та самая. Она стояла у ванны. Немой свидетель. Кусок картона, пропитанный ужасом.

С рыком, в котором не осталось ничего человеческого, он набросился на нее. Ногти рвали шершавую бумагу, ломались, не чувствуя боли. Пальцы, не слушаясь, раздирали картон на клочки, он делал это истощно, с хрипом и слезами ярости. Он швырнул эти лохмотья в ванну, в мутную восковую кашу, где они размокли и потемнели.

Он принялся засовывать всё это в слив, давя, проталкивая пальцами, пытаясь силой загнать в узкую горловину доказательства своего безумия. Следы. Нужно уничтожить все следы.

Но слив захлебнулся, забился цветной гущей. Силы, дикие, животные, что двигали им секунду назад, покинули его разом. Сознание отключилось. Он не упал, а скатился с холодного бортика ванны на кафельный пол. Теплый от пролитой воды, он показался последним, обманчивым утешением. Он лежал, не в силах пошевелиться, слушая, как его собственное сердце колотится меж ребер в пустой, враждебной тишине ванной комнаты.

Время спустилось в густой, тягучий туман. Часы, должно быть, пробили несколько раз, но их звон тонул в вате тишины. Единственным свидетельством прошедшего урагана были осколки фарфора от чайника, разбросанные по кафелю, как блестящие осколки льда. Вспышка

была короткой и яростной. Слепой, животный бросок – и чайник врезался в стену, разлетевшись на десятки острых осколков. Теперь и его не было.

Джон замер, прислушиваясь к тишине. Дыхание, еще недавно хриплое и прерывистое, начало выравниваться. «Всё позади», – пронеслось в голове хрупкой, обманчивой мыслью.

Его взгляд, блуждающий и пустой, наткнулся на треснувшее зеркало над раковиной. Паутина трещин расходилась от центра, дробила его отражение на десятки искаженных, безумных лиц. И в этом хаосе из стекла и теней ему внезапно вспомнился вчерашний звонок. Тихий, спокойный голос в трубке. Обещание.

Он отполз от осколков, как раненый зверь, прополз под своим разбитым отражением и свалился на кровать. Пружины жалобно взвизгнули. Он лежал на спине, уставившись в потолок. Единственным желанием, жгучим и простым, было одно: чтобы его не трогали. Никто. Никогда.

Это желание стало последней мыслью, черной дырой, которая засосала всё остальное. Он не спал. Время расплзлось, как чернильная клякса на промокашке, смешав темноту за окном с темнотой под веками. И сквозь эту густую пустоту то и дело пробивался один и тот же звук: призрачный, леденящий хруст картона. Он вскидывался, сердце колотилось о ребра, но вокруг была лишь тишина и собственное прерывистое дыхание. Так, в мучительных всплесках псевдободорствования, и прошла ночь, пока за окном не заскулил первый мусоровоз, возвестивший не рассвет, а просто наступление утра – серого, безрадостного, неизбежного.

С трудом поднявшись, он сбросил с себя халат – эту запачканную, липкую кожу прошлой ночи. Механическими движениями он натянул старые трусы из шкафа, накинул на плечи мятую сорочку. Пальцы, всё еще предательски дрожа, скользили по полкам в полумраке, обходя знакомые предметы на ощупь. Он искал не видя, не думая. Отыскивал маленький, холодный флакон с успокоительным, которое погрузит его в пустоту и, наконец, оставит в покое.

Пальцы наткнулись на прохладный, знакомый пластик. Баночка. Он выдернул ее из темноты шкафа, не глядя и с трудом открутил крышку, сорвав резьбу. Белые капсулы, похожие на бледные таблетки от головной боли, с шелестом высыпались ему в ладонь. Он не считал. Какая разница – пять, десять, пятнадцать? Лишь бы прекратить этот адский барабанный бой в груди. Лишь бы выжечь из памяти тот немой, стеклянный взгляд, что застыл в растаявшем воске.

Он запрокинул голову и закинул горсть в рот. Сухие капсулы прилипли к нёбу и языку. Горький привкус крахмала тут же заполнил всё. Он сглотнул с усилием, протолкнув их комком по пищеводу одним мучительным спазмом.

Отвлечься. Дела. Встречи сегодня.

Он попытался зацепиться за эти якоря нормальной жизни: расписание, цифры, всё, что было до этого. Но тело взбунтовалось. Его начало трясти мелкой, неконтролируемой дрожью, будто изнутри ломил сильнейший озноб. Холодный, липкий пот проступил на спине и груди, моментально пропитав тонкую ткань сорочки. Она прилипла к коже. Вторая ледяная кожа, напоминающая о слабости.

Каждая попытка мыслить о бизнесе, о контрактах разбивалась об один и тот же образ. Нечеткий, расплывчатый, но от этого не менее жуткий. Не восковая голова. Нет. Просто коробка. Обычная деревянная коробка. Она стояла перед ним, в центре сознания, – немой и неумолимый укор. И он понимал, что никакие таблетки не сотрут ее оттуда.

До встречи оставался час. Ровно шестьдесят минут, которые отделяли его от мира галстуков, рукопожатий и дежурных улыбок. Он распахнул дверцу шкафа.

И замер.

Внутри, безупречные и безжизненные, висели несколько шикарных костюмов. Белоснежные сорочки, выстроенные в безупречный ряд, блестели начищенными запонками. Но за этим фасадом успеха, бутафорским музеем его жизни, сквозь стройные ряды галстуков ему ухмылялось оно.

Его собственное лицо. Бледное, как полотно, с губами, растянутыми в неестественной, жуткой усмешке. Глаза, пустые и блестящие, как у куклы, смотрели прямо в него, видя насквозь.

Джон замирает, всматриваясь в темноту шкафа. Ему кажется, что тени между костюмами словно сложились в знакомые черты. Он почти слышит призывок собственного голоса – но это всего лишь скрип старого шкафа, слившийся с бешеным стуком его сердца в ушах. Он не слышит, а чувствует этот приказ на уровне животного инстинкта. Фраза «БЕГИ, ДЖОН!» не звучит, а вспыхивает в его мозгу как собственная паническая мысль.

Сердце остановилось, а потом рванулось в бешеной пляске. Ледяная игла вонзилась в основание черепа. Не думая, не рассуждая, он отшатнулся, вжавшись спиной в косяк двери.

Он не просто вспомнил. Он видел его снова. Тот образ, что должен был растаять в стоке. Он снова здесь.

Краем глаза, на мгновение поймав движение, он увидел его. Свое отражение на полированной, темной поверхности двери в спальню. Искаженное, размытое, словно под водой. Говорило что-то. Губы двигались в полной тишине комнаты, сливаясь с собственным прерывистым дыханием.

– Джон... – прошелестело отражение, и голос был похож на скрип несмазанной петли. – Ты помнишь, что обещал?

В висках у него застучало. Воспоминание ударило, как молоток по стеклу. Не голос, а взрывная волна из прошлого. Он вспомнил тот самый детский крик, собственный, который он давил в себе годами. Он не услышал его – он снова его почувствовал в горле, как раньше. Эхо этого крика прокатилось по его сознанию, сметая всё на своем пути. Это был голос маленького Рики.

Отражение в двери медленно улыбнулось. Улыбкой, полной ледящего душу торжества и насмешки. Оно приблизилось. Его черты стали четче, почти выступили из дерева.

Он не выбирал. Он схватил первые попавшиеся джинсы и темное, безликое худи – униформу беглеца, которая должна была стереть его с лица этого города. Не оглядываясь, не думая, он вылетел из квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.